

Разграничение гражданского и уголовного процесса в Московском государстве: ретроспективный анализ

Хащина Э.Э.,

ассистент кафедры конституционного и административного права,
соискатель кафедры теории и истории государства и права
Курского государственного университета
E-mail: elinka1408@mail.ru.

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме исторического разграничения уголовного и гражданского судопроизводства в Московском государстве. Автором анализируются особенности единой «судной» формы судопроизводства и предпринимается попытка определить условия формирования сыска как процессуальной формы для рассмотрения уголовных дел. Делается вывод о незавершенности процесса разделения уголовного и гражданского судопроизводства в XVII в.

Ключевые слова: суд, сыск, розыскной процесс, обвинительный процесс, челобитная, судебный поединок, пытка, Московское государство, Судебник.

На современном этапе развития общественных отношений, в частности, отношений, связанных с отправлением правосудия, сформировалось четкое разделение судебного процесса на уголовный и гражданский. Данное разделение обусловлено в первую очередь тем, какие интересы затрагиваются в ходе судебного разбирательства. Помимо этих разновидностей выделяются и иные, менее масштабные виды правосудия, также обладающие специфическими особенностями: арбитражное, административное, конституционное судопроизводство. Тем не менее обозначенные в названии данной работы разновидности судебного процесса выступают в качестве первичных судопроизводственных порядков, лежащих в основе дифференциации правосудия.

Несмотря на очевидное различие современного гражданского и уголовного процесса, следует отметить, что подобное положение вещей сформировалось исторически. Поскольку на ранних этапах развития государственности существовал частно-исковой взгляд на преступление, любое преступное деяние воспринималось как личная обида, не затрагивающая общественных интересов. Постепенно по мере усложнения общественных отношений в судопроизводственной сфере возникали новые формы, призванные обеспечить государственный интерес. Известный судебный деятель России второй половины XIX — начала XX в. В.К. Случевский, сравнивая уголовный и гражданский процесс, приходит к выводу, что, несмотря на значительные отличия между ними, на первых порах развития государственности, можно обнаружить черты их сходства. Обвинитель и обвиняемый в уголовном процессе, так же как истец и ответчик в гражданском процессе, действуют на началах состязательности и равноправия; суд стремится к установлению материальной истины по делу не только в интересах участвующих в процессе лиц, но и об-

условливая своими действиями и приговорами торжество права¹.

Продолжительность существования единого частно-искового порядка разрешения споров для гражданских и уголовных дел варьировалась в каждом государстве и определялась степенью государственного и общественного развития. В.Г. Стефановский на этот счет отмечает, что «границы между неправдой уголовной и гражданской колеблются в истории и определяются положительным законодательством у каждого народа по-разному². Во времена варварских правд во многих древних государствах оформился особый порядок судопроизводства, получивший в литературе именование «обвинительный» или «аккумуляционный» тип процесса. Его особенностью является участие в процессе двух сторон — обвинителя и обвиняемого, независимо от того, имел ли спор гражданско-правовой или уголовно-правовой характер. По сути дела, обвинительный процесс представляет собой спор равных сторон перед независимым судом. Его основной целью было установление формального соответствия факта с правом.

Применительно к нашей стране о появлении особого порядка рассмотрения уголовных дел можно говорить лишь начиная с середины XV в.

Однако любые социальные преобразования не происходят одномоментно и, как правило, требуется длительный срок для того, чтобы старый порядок уступил место новому. Единая как для гражданских, так и для уголовных дел форма судопроизводства в исторических памятниках рассматриваемого периода именуется «суд». Значение данного слова значительно уже для нынешнего понимания, поскольку «суд» в данном

¹ См.: Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2. Судопроизводство. М., 2008.

² Стефановский К.Г. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Ч. CLXV. С. 253.

контексте предполагает явление, противопоставленное розыску — «сыску». Н. Ланге, рассуждая о сущности судопроизводства в Московской Руси, обращает внимание на то, что слово «суд» в это время имело общее и частное значение, и если в общем смысле судом называлось всякое разбирательство, то в частном смысле под судом разумели особый порядок судопроизводства, отличный от сыска. Для обозначения всех форм судопроизводства термин «суд» был введен в России в преамбуле Закона «О форме суда» от 5 ноября 1723 г.³ До этого времени «судными» делами считались в основном гражданские и некоторые уголовные дела.

В Московском государстве обвинительный процесс в форме «суда» (в узком значении данного слова) обладал такими характерными чертами, как отсутствие пыток, применение в качестве доказательств свидетельских показаний («видочков» и «послухов»), судебного поединка («поля») и присяги («крестного целования»)⁴. К.Г. Стефановский называет данный порядок судопроизводства «народным судом», имеющим чисто обвинительную форму. Тем не менее он же отмечает, что подобные начала суда не только не развивались последовательно в русской жизни, но и уступили место другим — противоположным.

Судная форма предполагала высокую активность и состязательность сторон: это выражалось как на стадии обращения с жалобой — «челобитной», так и в процессе доказывания. Традиционно челобитная начиналась словами «царю-государю и великому князю всяя Руси бьет челом холоп твой такой-то» и заканчивалась просьбой «царь-государь, смилуйся, пощади или пожалуй»⁵. Все остальное содержание челобитной истец определял самостоятельно; при этом, как правило, использовались выражения, способные максимально воздействовать на судью, вызвать его жалость, например, «бьет челом несчастный сирота ваш монастырский бобыль Алешка Иванов»⁶. Закон на этот счет не закреплял никаких ограничений. Не было, в том числе, никаких указаний на то, должна ли челобитная подписываться истцом. Вплоть до принятия Соборного уложения существовали как «заручные», так и «незаручные» челобитные, то есть подписанные и неподписанные. Требования, содержащиеся в челобитных, могли касаться как частно-правовых вопросов, так и вопросов, связанных с совершением в отношении челобитчика пре-

ступного деяния. Довольно часто встречались челобитные о причинении побоев и грабежа⁷. Каких-либо существенных различий в форме челобитных в зависимости от характера содержащегося в них требования отсутствуют.

Истец сам привлекал своего оппонента к суду, причем в нормативных актах того периода термин «ответчик» не фигурирует, обе стороны именуются истцами.

Обвинитель самостоятельно вел состязание и представлял доказательства, причем судная форма предоставляла сторонам возможность примирения на любой стадии процесса. Производство в суде представляло собой судоговорение, т.е. носило устный характер. Все доказательства заслушивались устно, однако присутствующий на заседании дьяк обязан был фиксировать все происходящее в протоколе. Процесс начинался после прибытия истца и ответчика на место суда. Его первым актом являлось изложение истцом перед судьями сути жалобы, заявленной им ранее в челобитной. Выслушав истца, судья предлагал ответчику представить свою позицию и произносил: «Отвечайте». Если ответчик сознавался, то он, как правило, произносил фразу: «Грех мой ко мне пришел», а если не сознавался, то должен был представить доказательства своей вины или же просить «поля» — судебного поединка.

Далее суд вновь предоставлял слово истцу, который должен был, в свою очередь, представить доказательства, подтверждающие вину ответчика. Истец мог сослаться на свидетелей и обыск или, не имея таковых доказательств, потребовать поля. В этом случае он произносил: «Дай нам, господине, с ним Божию правду, целовав крест, полезу с ним на поле битись» или «Уличаю, господине, такого-то в татьбе Божьей правдой, целовав крест, да лезу с ним на поле битись и наймита против него шлю»⁸.

В рамках судной формы использовались самые разные виды доказательств, в том числе свидетельские показания, показания обыскных людей. Большое значение имели формальные доказательства — судебный поединок, присяга и жребий, однако с течением времени данные доказательства постепенно уступают другим, главным образом, письменным доказательствам.

Вплоть до середины XVI в. судебный поединок — это наследие древнего народного суда — широко применялся в Московском государстве. Поле проводилось по следующим правилам. Выходившие битись на поле могли выбрать любой вид оружия, кроме пищалей и луков. Бившиеся были одеты в доспехи, состоявшие из панци-

³ См.: Законодательство Петра I. М., 1997. С. 841.

⁴ Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство. СПб., 1884. С. 117.

⁵ Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судостройства Франции, Англии, Германии и России. СПб., 1868. С. 193.

⁶ Челобитная монастырского бобыля Алексея Иванова // РГАДА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 124.

⁷ Челобитная царю Михаилу Федоровичу посадского человека Неверки Забелина о причинении ему побоев и грабежа // РГАДА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 5.

⁸ Ланге Н. Указ. соч. С. 191.

ря, лат и шлема. За проведением боя наблюдали окольный и дьяк, обязанностью которых было следить за соблюдением правил поединка. Первым делом, прибыв на место, где совершался поединок, они выясняли у бившихся, кто их «поручники и стряпчие». Только стряпчим и поручникам дозволялось остаться вблизи от места поединка, остальных зрителей просили удалиться. Поручники и стряпчие должны были сдать оружие, однако, как видно из источников, это правило ими не всегда соблюдалось.

Дипломат Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» отмечал, что друзья и доброжелатели обеих бившихся сторон нередко оставались при поединке, вопреки запрету, с дубинами, которыми иногда и пользовались. Если поручникам и стряпчим одного из бойцов казалось, что в отношении него нарушались правила боя, то они подбегали к нему для отражения такой обиды; то же самое делали стряпчие и поручники другой стороны, в связи с чем, как пишет Герберштейн, между стряпчими и поручниками весьма часто возникали потасовки⁹. Присутствовавшие на поле окольные и дьяки должны были предпринимать меры для прекращения таких беспорядков, поскольку важнейшей их обязанностью было наблюдать, чтобы «бой польщиков был равный»¹⁰. Необходимость обеспечения равенства сторон в поединке особо подчеркивалась в ст. 13 Судебника 1550 г., причем в отношении посторонних людей — «опричных», отказывающихся покинуть поле предусматривалось наказание в виде тюремного заключения.

Ни истец, ни ответчик не могли быть принуждены к полю: оно назначалось только по взаимному согласию сторон, после высказанной ими на суде просьбы. При этом стороны могли биться как непосредственно, так назначить защищать свои интересы «наймита». Общим правилом было следующее: «битися на поле бойцу с бойцом, или небойцу с небойцом; а бойцу с небойцом не битися, а пожелает небоец с бойцом битися можно им на поле битися»¹¹. Небойцами считались женщины, дети, старики, «немошные и увечные», а также духовенство. Никакие другие различия между спорящими (в том числе и социальные) не принимались во внимание. М.Ф. Владимирский-Буданов приводит по этому поводу следующий пример: «Когда, при великом князе Василии Ивановиче, дети боярские не хотели биться с крестьянами, требуя, чтобы противники выставили детей же боярских, то суд принял это за отказ от поля и обвинил детей боярских»¹².

⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 83.

¹⁰ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. № 153. СПб., 1841. С. 13.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Ярославль, 1873. С. 124.

Начиная с XV в. центральной властью неоднократно предпринимались попытки запретить поле. Первым актом здесь стал запрет принуждать к полю духовенство¹³. И наконец, в 1556 г. Иван IV повелел «судити и сыскивати во всяких делах и управу чинити без поля»¹⁴. С этого времени значение поля как судебного доказательства начинает снижаться и постепенно заменяется крестным целованием. Однако искоренить этот обычай было нелегко: в 1572 г. Иван Грозный вынужден разрешить в Нижнем Новгороде «спускать поля по старине»¹⁵. Тем не менее к началу XVII в. поле как доказательство употребляется все реже и на смену ему приходит присяга — «крестное целование». Данный вид доказательств использовался исключительно в обвинительном процессе и лишь в том случае, если другие доказательства отсутствовали.

Хотя крестное целование не использовалось как доказательство по делам, связанным с государственными преступлениями, даже при производстве «суда» законодатель предпринимал все возможные меры для его ограничения. О.Е. Кутафин пишет на этот счет следующее «Присяга, обычно сопровождаемая крестным целованием, давно смущала как судебные власти, так и общественное мнение»¹⁶. В подтверждение он приводит высказывания таких политических публицистов, как Максим Грек и Иван Пересветов, критиковавших данное доказательство («оба крест целуют и оба лгут») ¹⁷. Такое положение вещей свидетельствует о вытеснении из судебного процесса признаков обвинительного типа. Сакральный характер доказательств не вызывал более доверия у власти, однако отказаться от них совсем было проблематично. В связи с этим, так же как и в случае «поля», данная процедура была детально формализована. В Памяти из Челобитного приказа в Земский содержится Указ о порядке крестоцелования, устанавливающий единый порядок для приведения истцов к присяге для всех приказных судов.

Еще одним специфическим доказательством в судной форме процесса был жребий. Н. Гартунг характеризует его как «вспомогательное средство определения того, кто из тяжущихся будет допущен до присяги», и упоминает, что жребий совершается «посредством шариков»¹⁸.

Хотя судопроизводство имело устный характер, присутствовавшие на суде специальные чиновники — наместничьи или земские дьяки —

¹³ Акты исторические... С. 14.

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ Ланге Н. Указ. соч. С. 206.

¹⁶ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. Т. I. Начала формирования судебной власти. М., 2003. С. 239.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Гартунг Н. Указ. соч. С. 98.

записывали все происходящее в судные списки; туда же записывался и приговор. Как правило, приговоры записывались кратко: «и поэтому судья (имя и отчество судьи) такого-то оправдал, а такого-то обвинил». Иногда приговор включал в себя мотивировочную часть, например: «а ответчиков судья обвинил, потому что они, признав свой бой и грабеж, говорили, что их истцы били, да в том доводу не учинили никакого»¹⁹.

Единая судная форма разбирательства существовала вплоть до конца XV в. Однако уже в Судебнике 1497 г. впервые появляется понятие «сыск». Под сыском следует понимать особую форму процесса, которую предписывалось использовать при расследовании дел о государственных преступниках и «ведомых лихих людях» — лицах, промышляющих разбоем. Многие ученые определяют именно этот момент как рубеж для разграничения гражданского и уголовного судопроизводства. Н. Гартунг по этому поводу пишет: «В государстве Московском возникла уже смутная мысль об отделении сферы уголовного права от сферы права гражданского... оттого, что надо иначе преследовать преступления, чем обиды, что надо искоренять разбойников и ведомо лихих людей, то есть которые опасны, потому что злонамеренны. Это и послужило основанием к выделению из общей массы правонарушений сначала разбойных дел ... а потом и других преступлений. Так что возникло две формы: обвинительная — суд, и розыскная — розыск, сыск»²⁰.

В качестве особенностей сыска следует выделить следующие: 1) создание особых губных органов, осуществляющих одновременно несколько процессуальных функций — следствие, суд и исполнение приговора; 2) применение системы поводов (оснований) для возбуждения сыского дела, среди которых большинство не предполагало участия истца; 3) отсутствие какого-либо влияния истца на дальнейшие стадии судебного производства; 4) создание новой системы доказательств, среди которых решающее значение имеют повальный обыск, очная ставка и собственное признание обвиняемого.

Все этапы процесса проходили под контролем губного старосты, объединявшего в себе несколько процессуальных функций — следственную, судебную, а также функцию исполнения приговоров. Губной староста избирался населением отдельной местности на основании выдаваемой центральной властью губной грамоты — особого документа, предоставляющего местного населению право самостоятельно ловить разбойников на своей территории. Мас-

совое издание губных грамот характеризуется историками как губная реформа, которая наряду с земской реформой стала важнейшим преобразованием местной власти, проводимым правительством Ивана IV. Древнейшей из обнаруженных губных грамот является Белозерская губная грамота 1539 г., и именно с этой датой связывают начало проведения губной реформы, а также разделение судебного процесса на уголовный и гражданский. Рассмотрим подробнее сущность вводимых преобразований.

Губные грамоты устанавливали принципиально новую структуру местных административно-судебных органов: избираемых населением с одной стороны и подконтрольных центральному боярскому органу в Москве. В Губной грамоте Устюжского уезда компетенция губных старост определена следующим образом: «и они бы тех розбойников и татей ведомых меж себя имали, да обыскав розбойников и доведчи на них, пытати их накрепко; и допытався розбойников, что они розбивают, и они бы тех розбойников бив кнутьем да казнили смертною казньою: то есьми положил на их душах, а им от меня в том опалы нет, и от наместников наших, и от волостелей, и от их тиунов продажи нет»²¹. Следовательно, в обязанности губных старост входил розыск и поимка разбойников, суд над ведомыми лихими людьми, и исполнение наказания, в частности, смертной казни. Причем в отличие от наместников и волостелей, осуществлявших судопроизводство в судной форме, губные старосты имели право исполнять такие наказания без доклада в Москву.

Что касается оснований или поводов для возбуждения сыского дела, то стоит отметить, что они в корне отличались от тех поводов, на основании которых дело рассматривалось в форме «суда». Если в последнем случае это исключительно челобитная от частного лица, то в случае сыска таких оснований могло быть несколько, и частная жалоба играла среди них второстепенную роль. Исключением здесь выступает лишь донос, после которого истец полностью устранялся из процесса. Другими поводами для возбуждения сыского дела являлись показания, полученные на повальном обыске, оговор или же «язычная молка» — показания пойманных преступников о своих сообщниках.

Еще одним, наиболее характерным для розыского процесса доказательством, является собственное признание подсудимого, как правило, получаемое посредством пытки. На вопрос, откуда появилась пытка в русском законодательстве, нельзя дать однозначный ответ. В Русской правде о ней не говорится ни слова, однако в XV в.

¹⁹ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 17. С. 154.

²⁰ Гартунг Н. Указ. соч. С. 96.

²¹ Леонтьев А.К. Устюжская губная грамота 1540 года // Исторический архив. 1960. № 4. С. 221.

она широко употребляется в качестве доказательства вины подсудимого. Н. Гартунг отмечает два возможных пути заимствования пытки. В качестве первого пути он рассматривает возможность заимствования пытки из римского права, подобно тому, как это произошло во Франции. Однако фактически влияние римского права на русское довольно ограничено, в связи с чем этот путь представляется ему спорным. В качестве второго пути Н. Гартунг приводит точку зрения Н. Карамзина, который считает, что пытка появилась под влиянием монголо-татарских традиций²². Эта возможность также кажется нам более вероятной. Также, на наш взгляд, справедливым является предположение о том, что пытка появилась в Московском государстве вследствие исторических закономерностей и получила свое развитие в рамках политики Ивана IV.

Таким образом, сыск можно считать первым этапом в процессе становления следственного порядка рассмотрения уголовных дел и разграничения гражданской и уголовной юрисдикции, однако, по своей сути, он еще не был чисто уголовным порядком судопроизводства. Приведем в качестве подтверждения высказывание Д.Г. Тальберга, указывающего, что «неопределенность общего принципа, положенного в основание разграничения «розыска» и «суда» в связи с отсутствием в период Судебников и Уложения ясного сознания различия между уголовным и гражданским процессами, вызвали на практике смешение этих двух форм судебного разбирательства, причем, с одной стороны, многие уголовные дела продолжают вестись прежним общим для всех дел обвинительным порядком, иначе «судом», с другой стороны, некоторые чисто гражданские дела, напр., поместные, вотчинные и др., подлежали розыску»²³. В начале становления сыска как формы судопроизводства он применяется преимущественно по делам о разбое, впоследствии включая в сферу своего применения все дела, совершенные «ведомыми лихими людьми». И лишь в XVII в. сыск подчиняет себе гражданские дела, среди которых наиболее подвержены розыскным началам оказались дела поместные, вотчинные и холопьи. Чем объяснить столь стремительный рост влияния данной судопроизводственной формы? Очевидно, что разграничение уголовного и гражданского суда не было целью законодателя. Вместо этого он стремился закрепить для расследования наиболее важных для государства дел такой порядок судопроизводства, который наиболее быстро и эффективно позволял бы установить истину по данному делу. В этой связи

сыскной порядок судопроизводства по поместным и вотчинным делам можно объяснить тем, что «правительство стремилось придать вотчинам государственный характер, ставя владение ими в соотношение со службой»²⁴. Что касается дел холопских, то их государственный характер легко объяснить продолжающимся на протяжении исследуемого периода процессом закрепощения крестьян.

Подводя итог вышесказанному, еще раз отметим, что в эпоху Московского государства не произошло окончательного разграничения гражданского и уголовного процесса. Однако именно на этом этапе развития судебной власти в России был сделан наиболее важный шаг в этом процессе: была создана особая сыскная форма расследования и вынесения решений по делам, затрагивающим государственные интересы. Несмотря на то что область применения сыска не совпадала с областью применения современного уголовного процесса, именно введение сыскного порядка судопроизводства впервые обозначило сферу публичных интересов при осуществлении правосудия.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. 750 с.
2. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Типография II отделения собственного Е.И.В. Канцелярии, 1838. 768 с.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Ярославль: Типография губернской земской управы. 1873. 211 с.
4. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб.: Тип. Э. Арндгольда. 1868. 206 с.
5. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
6. Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебного до учреждения о губерниях. М.: Типография А.И. Мамонтова и К^о, 1899. 589 с.
7. Законодательство Петра I / под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М.: Юридическая литература, 1997. 605 с.
8. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. Т. I. Начала формирования судебной власти. М.: Мысль, 2003. 701 с.
9. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство. СПб.: Типография А. Траншеля, 1884. 248 с.
10. Леонтьев А.К. Устюжская губная грамота 1540 года // Исторический архив. 1960. № 4. С. 212–217.
11. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2: Судопроизводство. М.: Зерцало. 2008. 288 с.
12. Стефановский К.Г. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права // Журнал Министерства народного просвещения, 1873. Ч. CLXV. С. 252–293.
13. Тальберг Д.Г. Гражданский иск в уголовном процессе или соединенный процесс. Киев: Типография В.И. Завадского, 1888. 312 с.

²² Гартунг Н. Указ. соч. С. 101

²³ Тальберг Д.Г. Гражданский иск в уголовном процессе или соединенный процесс. Киев, 1888. С. 28.

²⁴ Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебного до учреждения о губерниях. М., 1899. С. 84.

Differentiation of civil and criminal trial in the Moscow State: a retrospective analysis

Haschina E.E.,

Assistant Chair of Constitutional and Administrative Law,
the applicant of Chair of theory and history of state
and law Kursk state University
E-mail: elinka1408@mail.ru

Abstract. *This article deals with the problem of historic differentiation of criminal and civil trial in the Moscow state. The author analyzes the characteristics of a single form of legal proceedings and attempt to determine the conditions of formation of «sysk» as procedural form for criminal cases. The conclusion of the incompleteness of the process of separation of criminal and civil trial in the XVII century.*

Keywords: *court, sysk, inquisitorial process, accusatory process, chelobitnaya, acreflight, torture, Moscow State, Sudebnik.*

References

1. Aktyi istoricheskie, sobrannyye i izdannyye arheograficheskoy komissiyey. T. 1. SPb., 1841. 750 s.
2. Aktyi yuridicheskie ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva. SPb.: Tipografiya II otdeleniya sobstvennogo E.I.V. Kantselyarii, 1838. 768 s.
3. Vladimirskiy-Budanov M.F. Hrestomatiya po istorii russkogo prava. Vyip 2. Yaroslavl: Tipografiya gubernskoy zemskoy upravly. 1873. 211 s.
4. Gartung N. Istoriya ugovnogo sudoproizvodstva i sudoustroystva Frantsii, Anglii, Germanii i Rossii. SPb.: Tip. E. Arndgolda. 1868. 206 s.
5. Gerbershteyn S. Zapiski o Moskovii. M.: Izd-vo MGU, 1988. 430 s.
6. Dmitriev F.M. Istoriya sudebnykh instantsiy i grazhdanskogo apellyatsionnogo sudoproizvodstva ot sudebnika do uchrezhdeniya o guberniyah. M.: Tipografiya A.I. Mamontova i K^o, 1899. 589 s.
7. Zakonodatelstvo Petra I / pod red. A.A. Preobrazhenskogo i T.E. Novitskoy. M.: Yuridicheskaya literatura, 1997. 605 s.
8. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. Sudebnaya vlast v Rossii. T. I. Nachala formirovaniya sudebnoy vlasti. M.: Myisl, 2003. 701 s.
9. Lange N. Drevnee russkoe ugovnoe sudoproizvodstvo. Spb.: Tipografiya A. Transhelya, 1884. 248 s.
10. Leontev A.K. Ustyuzhskaya gubnaya gramota 1540 goda // Istoricheskiy arhiv. 1960. № 4. S. 212–217.
11. Sluchevskiy V.K. Uchebnik russkogo ugovnogo protsesssa. Ch. 2: Sudoproizvodstvo. M.: Zertsalo. 2008. 288 s.
12. Stefanovskiy K.G. Razgranichenie grazhdanskogo i ugovnogo sudoproizvodstva v istorii russkogo prava // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya, 1873. Ch. CLXV. S. 252–293.
13. Talberg D.G. Grazhdanskiy isk v ugovnom protsesse ili soedinennyiy protsess. Kiev: Tipografiya V.I. Zavadskogo, 1888. 312 s.